

Николай Бердяев

SUB SPECIE
AETERNITATIS,
ИЛИ С ТОЧКИ
ЗРЕНИЯ
ВЕЧНОСТИ

Москва, 2018

УДК 1

ББК 83.3(2Рос=Рус)

Б48

Бердяев, Н.

Б48 Sub specie aeternitatis, или с точки зрения вечности /
Н. Бердяев. – М. : Т8RUGRAM, 2018. – 486 с.

ISBN 978-5-521-06777-0

Имя Николая Александровича Бердяева (1874–1948) – выдающегося христианского и политического мыслителя, проповедника философии личности и свободы в духе религиозного экзистенциализма и персонализма – вписано в историю не только русской, но и мировой культуры.

В книге «Sub specie aeternitatis», названной по одноименному высказыванию Спинозы «С точки зрения вечности, представлены публикации Бердяева, освещающие вопросы философии, социологии, этики, религии и политики, в том числе в разрезе идеализма, консерватизма, марксизма, модернизма, нового христианства. Написанная простым, но глубоким языком, данная книга будет интересна широкому кругу читателей.

УДК 1

ББК 83.3(2Рос=Рус)

BIC HP

BISAC JNF040000

ISBN 978-5-521-06777-0

© Т8RUGRAM, оформление, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

О РЕАЛИЗМЕ	5
БОРЬБА ЗА ИДЕАЛИЗМ	11
К ФИЛОСОФИИ ТРАГЕДИИ	45
ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА В СВЕТЕ ФИЛОСОФСКОГО ИДЕАЛИЗМА	71
КРИТИКА ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА	113
ПОЛИТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ РЕЛИГИОЗНОГО БРОЖЕНИЯ В РОССИИ	151
О НОВОМ РУССКОМ ИДЕАЛИЗМЕ	171
А. С. ХОМЯКОВ КАК ФИЛОСОФ	213
Н. К. МИХАЙЛОВСКИЙ И Б. Н. ЧИЧЕРИН	221
ОТВЕТ КРИТИКАМ	239
СУДЬБА РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА	253
КАТЕХИЗИС МАРКСИЗМА	263
ТРАГЕДИЯ И ОБЫДЕННОСТЬ	275
КУЛЬТУРА И ПОЛИТИКА	307
КРИЗИС РАЦИОНАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ	323

К. ЛЕОНТЬЕВ – ФИЛОСОФ РЕАКЦИОННОЙ РОМАНТИКИ	339
В ЗАЩИТУ СЛОВА	371
О НОВОМ РЕЛИГИОЗНОМ СОЗНАНИИ	375
РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА	415
К ИСТОРИИ И ПСИХОЛОГИИ РУССКОГО МАРКСИЗМА	423
РУССКАЯ ЖИРОНДА	433
О ПУΤЯХ ПОЛИТИКИ	441
ДЕМОКРАТИЯ И МЕЩАНСТВО	457
О НАРОДНОЙ ВОЛЕ	465
РАЗУМ И ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ	475

Посвящаю Ли

О РЕАЛИЗМЕ

Вместо предисловия

Я решаюсь издать свои опыты за последние шесть лет, хотя живо чувствую их несовершенство, отрывочность, неясность внутренней связи. Печатаю статьи в почти неизмененном виде и в хронологической последовательности. Знаю, что будут обвинять меня в противоречиях, изменчивости, непоследовательности... Вот я и хочу сказать несколько слов об этих кажущихся противоречиях и о действительном внутреннем единстве и последовательности исканий, сказавшихся в моих статьях. Прежде всего имею в виду единство психологическое, последовательность субъективную, т. е. связь наиреальнейшую.

Думается мне, что в отрывочных, недостаточно обработанных статьях этих, от первой и до последней, проходит одно желание — разгадать смысл жизни, жизни личной и мировой, одна мечта — о новой культуре и новой общественности. Раздвоение и кризис души, отразившийся в этой книге, быть может интересен не для одного меня. Реальный выход из этого раздвоения и кризиса мне всегда виделся только религиозный и все проблемы бытия в последнем пределе своем сводились к проблеме религиозной, хотя рассматривать их я пытался философски. Когда не обладаешь еще мудростью, то остается любить мудрость, т. е. быть философом. Последняя же мудрость и реальная сила дается лишь в религиозном гнонисе. Прошу прощения у академиков, что философия не была для меня «отвлеченным началом», что она реально связывалась с живым отношением личности к культуре и общественности, и у общественников, у всех социально-верующих, что общественность, социальность тоже не была для меня «отвлеченным началом», подчинялась творческим целям личности и смыслу мира. Тяжба с «отвлеченными»

Николай БЕРДЯЕВ

философами и «отвлеченными» публицистами, с рационалистами, оторванными от живой, реальной полноты бытия, решится не в «отвлеченных» департаментах науки, политики, и пр. и пр., а в неведомой им высшей инстанции, в откровениях Логоса.

Но есть в этих опытах и объективная, логическая последовательность внутреннего движения идей. Думается мне, что не шатаюсь я в них в разные стороны, а двигаюсь к определенной разумной, осмысливающей мир цели. В книге этой я вижу постепенное освобождение от могущественных идейных течений нашей эпохи: марксизма, кантианства и Ницшеанства. Много места мною уделено критике марксизма и кантианства, с которыми в первых статьях я еще связан. Затем чрез индивидуалистическое обобщение и декадентский разрыв я перехожу к совершенно иному обоснованию проблем, поставленных вначале. Тот порядок идей, к которому я тяготею, во всех своих частях лучше всего характеризуется словами — мистический реализм. «Идеализм», который в первой своей статье я признал боевым кличем и который был принят течением, связанным с «Проблемами идеализма», есть переходное состояние. «Идеализм» был хорош для первоначальной критики марксизма и позитивизма, но в нем нет ничего творческого, остановиться на нем нельзя, это было бы не реально и не религиозно. И вот часть «идеалистов» идет дальше к мистицизму, соединяется с течением, имевшим иные истоки, переходит от идеалистических отвлеченностей к мистическим реальностям. Раз явились ощущение и сознание мистических реальностей, кончается царство иллюзионизма, позитивистического, идеалистического или романтического, начинается новая эра. Я должен знать, из чего состоит мир, из каких реальных вещей, определить к ним свое отношение, свести с реальностями счеты. Я не могу уже быть нигилистом, не могу мистику подменять мистификацией. Поэтому мне нужно метафизическое и религиозное знание. Поэтому и политику свою и свой идеал общественности я должен строить на реально-мистических, т. е. религиозных основаниях.

SUB SPECIE AETERNITATIS

Потеря ощущения реальностей, разобщение с глубиной бытия — вот сущность нашей эпохи, вот в чем кризис современного сознания. Эта потеря чувствуется и в философии, и в политике, и в искусстве, и во всей современной жизни, протекающей в призрачном царстве феноменов. Все еще властвующий над нами позитивизм в корне отрицает реальности, объявляет бытие метафизическим призраком, признает только феноменальности, процессы, состояния сознания, приводит к безысходному иллюзионизму. Идеализм во всех его неокритических формах тоже не выводит нас из царства иллюзионизма, даже закрепляет его, признает только нормы, идеи, состояния сознания, а не бытие.

Позитивная социал-демократия укрепляет мнимое бытие, иллюзию феноменального мира и в уже видимом пределе своем ведет к небытию, уже чувствуется в ней религия веселого необуддизма. Все — разорвано, раздроблено, «отвлеченно», все призрачно и плоско. Реальна лишь тоска по всеединству, по бытию конкретному, индивидуальному и абсолютному. Мы прошли через романтическое томление.

Но «реализм» начинается с признания самого себя мистической реальностью, с реального самоощущения и самосознания. Индивидуализм-солипсизм даже реальности я не может признать. Но раз я — мистико-метафизическая реальность, то отсюда уже неизбежен переход к реальности других я, реальности Бога, реальности дьявола; мир живет, кровь течет в его жилах, все опять реально существует.

Мы переходим от позитивистического, идеалистического и иного небытия, к бытию метафизическому и мистическому. Тогда я и познание понимаю реально, т. е. как мое соединение, а не разъединение с миром, с бытием. Но метафизическое знание реально соединяет нас с бытием не в отвлеченном, рационалистическом его виде, а как часть полного религиозного гноезиса. Наша мистика тяготеет к религии, т. е. к определенному взаимоотношению с мистическими реальностями мира, мистика хочет быть зрячей, постигнуть смысл мира. Все нити схо-

Николай БЕРДЯЕВ

дятся в центральной идее Логоса. Наша политика должна прозреть мистические реальности под историческими феноменальностями, должна связать свои цели с религиозным смыслом мира. С самоощущения и самосознания личности, как мистической реальности, начинается реальное знание, реальное религиозное откровение и действие, реальное творчество. От победы реализма, от преодоления мнимой, кажущейся, иллюзорной реальности позитивного мира зависит культурное и религиозное возрождение и истинное освобождение. Мистический реализм ведет не к статическому догматизму, а к догматизму динамическому, всегда двигающемуся, творческому без границ, прозревающему и преображающему. Живая и реальная мистика всегда должна что-нибудь открывать, что-нибудь утверждать, должна опыты производить и рассказывать об испытанном и увиденном, она «догматична» во имя движения, чтобы движение действительно было, чтобы в движении реально что-нибудь происходило. Адогматизм, не разрешающий нам двигаться, открывать и утверждать, восстающий против всякого прозрения смысла вещей, против всякого творческого «да», — всегда догматичен, всегда застоен. В модной «адогматической» мистике нет движения вперед, нет реализма, хочет она навеки закрепить слепоту и иллюзорность переживаний и странно подобна она своему антиподу — старому догматизму. Не понимают, что религиозное откровение, — открывание, должно продолжаться, и творчество религиозное не имеет границ лишь тогда, если в прошлом что-то открывалось, если в будущем что-то откроется. А творить из ничего — нельзя. Религия есть зрячая и реальная мистика.

Реальная и зрячая мистика не может оставаться индивидуальным, скрытым от мира переживанием, она должна мир завоевать, миром управлять. Религия должна быть конкретной, чувственной, с живой историей связанной, к живой политике обязывающей, или религии никогда не было и никогда не будет как реальности. Мне не нужна религия, которая не имеет никакого отношения ко всей полноте жизни, к историческому про-

SUB SPECIE AETERNITATIS

цессу, к будущему человеческой общественности. Да и никому такая религия не нужна, так как религия не отдельный уголок индивидуальных переживаний, которыми каждый по-своему утешается, а реальное дело спасения человечества и мира, победы над смертью и небытием, утверждения личности в бытии абсолютном, утверждения жизни вечной и богатой. Мы приходим к отрицанию только человеческих, рационалистических, отвлеченно-политических и отвлеченно-моральных путей спасения и утверждаем путь благочеловеческий. Острая постановка проблемы социализма и анархизма обнажает религиозный смысл всемирной истории, помогает нам отвергнуть соблазн Великого Инквизитора — насилиственное устройство царства земного, в котором благополучию и спокойствию будут принесены в жертву свобода и вечность.

Моя первая и последняя мысль — неизменная мысль о личности, об освобождении. Ищу путей к ее вселенскому утверждению, к соединению с мировым Логосом.

Я подхожу в своих статьях к Богочеловечеству, воплощению Духа в общественности, мистическому союзу любви и свободы. От марксистской лжесоборности, от декадентско-романтического индивидуализма иду к соборности мистического неохристианства.

С.-Петербург, 25 февраля, 1906 г.

